

ОСТРОВСКИЙ — ЧИТАТЕЛЬ

С карандашом в руках

Драматург, чей 190-летний юбилей пришёлся на март нынешнего года, оставил русской сцене 47 оригинальных пьес, 8 написанных в соавторстве и 20 переводных. 13 пьес дошли до нас во фрагментах, 8 не найдены¹. А ещё, хоть и не полностью, сохранилась библиотека А.Н. Островского, дающая богатый материал для изучения его творчества и биографии.

Ценный источник не только для понимания личности писателя, но и для выяснения генезиса его произведений — книги с пометами Александра Николаевича. Этот пласт собрания, исследование которого, по существу, только начинается, представляет кандидат филологических наук Ольга Николаевна КУЩОВА.

По сохранившемуся свидетельству Н.Н. Луженовского, университетского товарища сына драматурга Сергея Александровича, личная библиотека А.Н. Островского к концу его жизни насчитывала около 3 тыс. томов. Скорее всего, эта количественная оценка была сделана на глаз, приблизительно, но не исключено, что со слов самого писателя или членов его семьи. Подробно описывая кабинет Александра Николаевича сразу после его смерти, создавая своего рода «посмертную маску» писательского дома для увековечивания памяти, Луженовский не только обратил внимание на обилие книг «в ореховых шкафах» вдоль двух стен, но и обзорно охарактеризовал состав этого собрания: «Тут произведения всех западных сцен, всех веков и национальностей: греческие трагедии в русском и Аристофан в латинском переводе; подлинники: Плавт и Теренций, Кальдерон и Шекспир, Сервантес и Гоцци, Корнель и Метастазлио, Расин и Гольдони, Скриб и Мольер, все псевдоклассики, драматурги романтической школы, все или почти все новые французские драматурги, как Ожье, Сарду, Фелье и многое другое — худое и хорошее, посредственное и глубокое. Русская, переводная и оригинальная драматургия представлена здесь как нельзя полнее, начиная с «действ» XVIII в., продолжаясь «Русским театром» и кончая последними новинками нашей сцены. <...> Отдельный шкаф её занят критическими трудами, учёными исследованиями по истории и экзегетике сцены и литературных её корифеев. Собрание русских летописей, песен, сказок, пословиц и т. п. пополняет эту коллекцию источников»².

Видимо, французский Островский знал лучше других языков, о чём свидетельствует самая многочисленная (после книг на русском языке) французская часть его собрания. Кроме того, драматические произведения Гольдони, Сервантеса и других итальянских

¹ Списки переводов и переделок А.Н. Островского // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 9. Переводы. М., 1978. С. 659–661.

² Л. Новский (Луженовский Н.Н.). Воспоминания об Островском // Русский вестник. 1887. 25 апреля. № 11. Цит. по: Библиотека А.Н. Островского. Л., 1963. С. 6.

и испанских авторов представлены в нём (помимо русских переводов) как на языке оригинала, так и на французском. Однако переводил драматург не только с французского, но также с английского, итальянского, испанского (который он изучил к старости), латыни; пользовался при необходимости польским и немецким языками³ и, возможно, читал по-чешски⁴.

Посмертная судьба творческого наследия писателя складывалась парадоксально. На многие десятилетия историко-театральная направленность его собрания, а также наличие книг в нём на разных европейских языках стали как будто невидимыми.

После смерти драматурга его книжная коллекция, должно быть, разошлась по наследникам, которые по-разному отнеслись к её сохранению. Некоторую часть собрания (936 названий) описал в рукописном каталоге сын Александр Александрович в 1907–1908 гг. Сохранившаяся московская библиотека позже была перевезена в Петербург другим сыном — Сергеем Александровичем, а после его смерти, в 1929 г., передана внучкой драматурга М.М. Шателен в дар Пушкинскому Дому. В 1930-х гг. иностранные издания из библиотеки Островского были выделены из общего собрания и помещены в отдельный шкаф, а русские растворены в общем фонде. В начале 1960-х гг. библиографы Пушкинского Дома попытались снова собрать всё воедино. Удалось обнаружить 667 экземпляров (если принять цифру 3 тыс. как правдоподобную, то это примерно 1/5 первоначального собрания). В 1963 г. сотрудниками Пушкинского Дома был издан каталог библиотеки Островского с включением названий книг, ранее находившихся в собрании драматурга, а ныне утраченных. В нём оказалось около 1200 единиц, то есть уже более одной трети от первоначального состава.

По словам М.М. Шателен, остальные книги в разное время были перевезены членами семьи в Щельково, костромскую усадьбу драматурга. В 1914–1918 гг. в усадьбе никто не жил, и за это время многие ценнейшие издания пропали. Уцелевшие в 1918 г. (во время национализации усадебных библиотек) были увезены в город Иваново. Далее следы их теряются. Доехали ли подводы до Иваново или пропали в пути — не установлено. Поисками исчезнувшей части библиотеки сотрудники Щельковского музея (в частности, его директор В.Н. Бочков) занимались в 1970-е гг., но безуспешно. Тогда же в музее, с согласия ВТО, было решено создать дубликат щельковской коллекции по списку, напечатанно-

му в каталоге. Работу по выявлению и приобретению книг в Москве и Ленинграде ведал Н.К. Знаменская, большую помощь в этом музее оказывал директор Научной библиотеки ВТО В.П. Нечаев. Формирование дубликатной библиотеки было прервано в начале 1990-х гг. и так и не доведено до конца.

Трудно сказать, когда у Островского возник интерес к книгам. В 19 лет студент юридического факультета Московского университета был, например, одним из 45 подписчиков альманаха «Литературный кабинет», публиковавшего опыты в стихах и прозе актёров московской императорской сцены⁵. В библиотеке Александра Николаевича альманах не сохранился и в каталоге не упомянут. Дошедшие до нас книги из личного собрания писателя (они по-прежнему хранятся в библиотеке Пушкинского Дома) позволяют судить о том, что драматург, конечно, был знатоком в этой области, но не библиофилом в строгом смысле этого слова (хотя в его коллекции имелись раритеты, в частности первоиздания).

Ж. Патуйе, писавший в 1910-е гг. книгу об Островском и видевший в доме наследников драматурга его коллекцию, упоминал о ней несколько разочарованно: «...библиотека его, с которой я познакомился, не представляла собой книжного богатства, собранного учёным или любителем; но все классики театра, начиная с древних, как русские, так и иностранные, были в ней представлены»⁶.

Из анализа состава библиотеки Островского видно, что собиралась она целенаправленно и носила рабочий характер. Среди книг драматурга множество конволютов, сформированных из вырезок (пьес, статей) или брошюр и для удобства сгруппированных тематически. Например, конволют, составленный из русских переводов древнегреческой и римской драматургии; с оригинальными английскими текстами рождественских пантомим, феерий, арлекинад; русских журнальных статей по истории испанской драматургии и театра; или, что уж совсем неожиданно, конволют из статей о теории происхождения видов Чарльза Дарвина (в нём есть, в частности, статья «Дарвин и языкознание»). Подшивки журналов Островский обычно не хранил (за некоторым, очевидно, важным для него, исключением, например «Репертуар и Пантеон» за 1844–1846 гг.). Среди журналов, по видимому, в разные годы выписывавшихся драматургом, были «Библиотека для чтения», «Москвитянин», «Современник», «Отечественные записки», «Журнал министерства народного просвещения» и др.

³ См. об этом подробнее: Маликов, В. Томашевский, Н. Островский-переводчик (1850–1886) // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 9. Переводы. М., 1978. С. 602.

⁴ Среди книг А.Н. Островского есть книга на чешском языке, возможно, с пометами драматурга: *Rukopis Kralodvorský, i jiné výbor nejše parodnie zřevoravné básně Slovné i věrn v rovočnem starém jazyku*. Vyd. 10-e. V Hance. Praha, 1851.

⁵ Литературный кабинет, труды артистов императорских московских театров: П.С. Мочалова, Д.Т. Ленского, А.П. Славина, С.П. Соловьёва и покойного Н. Цыганова, Н.В. Беклемишева, Иеронима Южного (псевдоним), П.А. Шестова, И.И. Ваненко, Г.П. Провольяева, А.П. Сумарокова, А.Н. П-на, Г. Глериола, Г.Н. Протопопова, А.П. Мартовича (псевдоним), Н. Ивалса, Элизы ****, Р.К. Каули, Г. Румянцева, Г.А. С...ча, Г...ва, А.П. Вр...ва, Г. Смирнова. В 2 ч. М., 1842. Под номером 25 среди подписчиков значился будущий драматург.

⁶ Патуйе, Ж. О драматургической технике Островского // Памяти П.Н. Сакулова: сб. статей. М., 1931. С. 195.

В каталоге «Библиотека А.Н. Островского» 1963 г. книги с автографами, пометами и надписями вынесены в специальный указатель. В сохранившейся части библиотеки томов с дарственными надписями осталось совсем немного. По воспоминаниям М.М. Шателен, в тяжёлые послереволюционные годы именно такие издания в первую очередь были проданы наследниками антикварам и коллекционерам. Тем не менее именно книги с дарственными надписями позволяют уточнить, как и когда то или иное издание попало в библиотеку писателя, и восстановить некоторые сюжеты.

Близкие друзья драматурга (Ф.А. Бурдин, П.М. и М.П. Садовские и др.) специально искали нужные ему книги, привозили из европейских путешествий. Так, издания Лопе де Вега и Кальдерона на испанском языке были одновременно подарены актёром Ф.А. Бурдиным в 1863 г., на что указывают одинаковые дарственные надписи⁷, а уже к 1867 г. относятся первые переводы Островским пьес Кальдерона.

Интересна история с итальянским изданием пьес К. Гоцци. В начале июля 1881 г. М.П. Садовский посылает Островскому сборник его произведений⁸. Вероятно, тем же летом драматург начинает переводить предисловие Гоцци к сценическим сказкам, но не заканчивает его⁹. Через два года Александр Николаевич в письме от 1 января 1883 г. обращается к издателю П.И. Вейнбергу: «После 25-летних напрасных исканий по библиотекам Италии мне удалось наконец найти экземпляр полного собрания сочинений Карло Гоцци¹⁰. Этот интересный драматический писатель у нас совсем неизвестен, да и в Европе его знают больше по мемуарам, чем по пьесам, Шиллер перевёл одну его пьесу¹¹, да у французов переведено прозой 5 или 6¹², только и всего, а он написал 14 томов. Если хотите, чтобы я перевёл Вам что-нибудь из Гоцци, отвечайте. Я знаю итальянский язык хорошо и умею переводить быстро, размером подлинника и почти слово в слово» (XII, 148). В этом письме Островский не только обозначил свой давний интерес к фигуре К. Гоцци, но и обнаружил глубокие знания о том, как обстоят дела с переводом его драматургии в европейских странах.

П.И. Вейнберг не задержался с ответом и через три дня сообщил, что принимает предложение Островского перевести для «Изящной литературы» одну из пьес Гоцци¹³. По-видимому, Александр Николаевич написал Вейнбергу о своём выборе «Короля-олень» (письмо не сохранилось), так как в ответном письме от 14 января издатель даёт своё согласие на это¹⁴. 7 мая 1883 г. драматург известил, что перевод «комедии Гоцци подвигается к концу» (XII, 169). Комментаторы этого письма почему-то сочли, что речь в нём идёт о переводе комедии «Женщина истинно любящая». Но пометы Островского, указывающие на его работу с текстом, есть в двух пьесах К. Гоцци: в первом томе итальянского издания в фьябе «Il re servo» («Король-олень»), о которой он пишет Вейнбергу, и в десятом томе в пьесе «Женщина истинно любящая» («La donna innamorata da vero»), на которую ссылаются комментаторы¹⁵. В письме от 25 сентября 1883 г. тому же адресату Островский сообщил: «...к концу года доставлю Вам несколько переводов пьес Сервантеса (настоящие перлы искусства) и пьесу Гоцци. Всё это у меня готово, но я очень совестлив и боюсь показываться перед публикой, пока не уверен, что мой перевод совершенно близок к подлиннику, что мной перебраны все слова и фразы русского языка для выражения того или другого оттенка мысли Сервантеса и что уже больше ничего сделать нельзя» (XII, 186).

Остаётся пока невыясненным, о какой из двух пьес Гоцци всё же шла речь в этом письме и почему работа над переводом так и не была завершена¹⁶.

К сожалению, мы не знаем, сколько книг среди проданных и утраченных в послереволюционные годы имели пометы драматурга. Но в сохранившихся экземплярах библиографами Пушкинского Дома пометы были расписаны постранично и построчно, правда, в некоторых случаях часть из них всё же оказалась пропущенной¹⁷. Тема помет на книгах «относится к творческой лаборатории писателя, то есть психологии и технологии процесса создания художественного произведения, и ждёт своего специального исследователя», — сказано в предисло-

⁷ Lope de Vega. Teatro escogido, con una introd. y la biografía por T. de Ochoa. P., 1838; Calderon de la Barca P. Las comedias, cotejadas con las mejores ediciones hasta ahora publicadas, corregidas y dadas a luz por J.-J. Keil. T. 1-4. Leipsique, 1827-1830. На титульных листах обеих книг дарственная надпись: «Душевноуважаемому Александру Николаевичу Островскому на память от Ф. Бурдина. 1863 г.»

⁸ А.Н. Островский. Дневники и письма. М., 1937. С. 162.

⁹ Котан, Л.Р. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. М., 1953. С. 291.

¹⁰ В библиотеке А.Н. Островского сохранилось это издание: Gozzi C. Opere edite ed inedite. T. 1-14. Venezia, 1801-1803 (все книги переплетены по два тома).

¹¹ Речь идёт о «Принцессе Турандот» Ф. Шиллера.

¹² В библиотеке А.Н. Островского сохранился экземпляр книги «Théâtre fabesque de Carlo Gozzi, traduit pour la première fois par Alphonse Royer» (P., 1865), которая включала большую вступительную статью Альфонса Руайе (с. 1-44) и пять пьес К. Гоцци: «Ворона», «Король-олень», «Турандот», «Зобенду» и «Зелёную птицу».

¹³ Неизданные письма к А.Н. Островскому. Из архива А.Н. Островского. М., 1932. С. 49.

¹⁴ Там же. С. 50-51.

¹⁵ Пометы в этом томе в изданном каталоге личной библиотеки А.Н. Островского не указаны. Также подчеркнуты названия всех пьес Карло Гоцци в последнем, 14-м томе в общем их перечне.

¹⁶ Через два года в письме от 28 июля 1885 г. к А.Д. Мысковой Островский снова вспоминает имя К. Гоцци и ставит его в один ряд с Мольером: «А если будете писать драматизированные сказки, то можете составить себе блестящее имя, как составил себе имя знаменитый итальянец, граф Carlo Gozzi. Он написал всего семь пьес из народных сказок, а стоит наряду с Мольером и пр-очими великими поэтами» (XII, 373-374).

¹⁷ См., в частности, пометы в книге: Арапов, П.Н. Летопись русского театра. СПб., 1861.

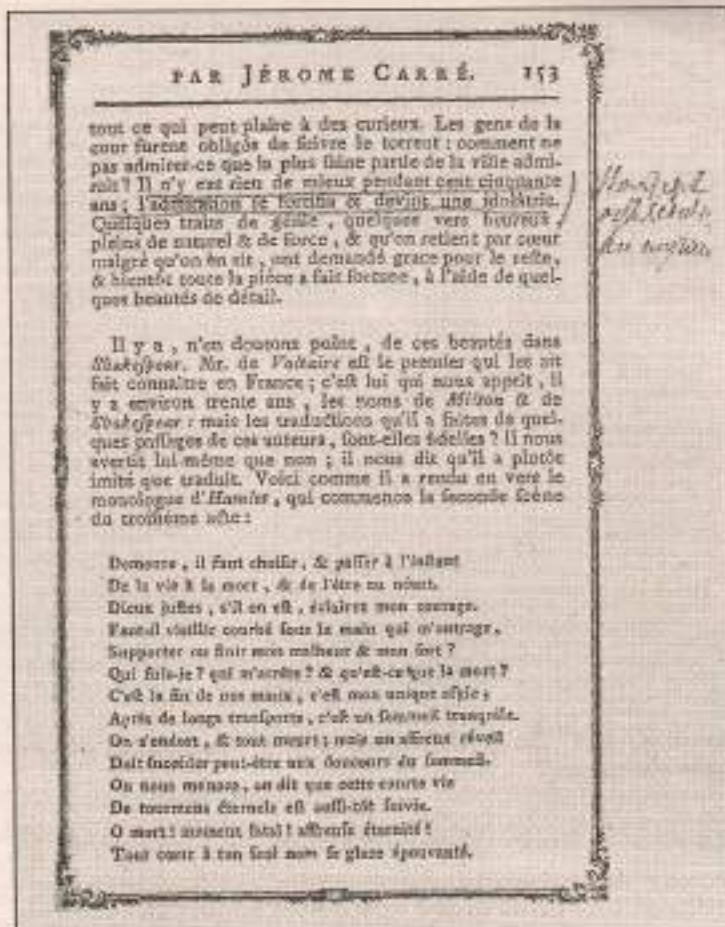
вни к каталогу¹⁸. К большому сожалению, за прошедшие с 1963 г. полвека должного внимания на эту проблему обращено не было¹⁹.

Книг с автографами, пометами и надписями в сохранившейся части библиотеки достаточно много: всего их, включая пропущенные в указателе, выявлено 227 (это примерно одна треть от общего сохранившегося количества). Однако отметки в них разнородны. Для рабочей систематизации и отбора можно выделить три группы.

К первой группе относятся книги с автографами драматурга. Таких — добрая половина. Чаще всего это рукописная владельческая надпись «Из библиотеки А.Н.О.» («Из библиотеки А.Н. Островского») или монограмма «А.Н.О.» Эти автографы позволяют установить принадлежность издания к собранию писателя, но не относятся к числу тех, что помогают исследователям изучать его творческую лабораторию.

Во вторую группу можно выделить книги с пометами, представляющими собой корректурную правку: исправление типографских опечаток или неточных авторских слов (особенно много таких помет в переводах). Подобная правка прежде всего указывает на то, что Островский читал данную книгу, причём медленно, внимательно. По количеству и плотности помет можно оценить, дочитал ли он её до конца или его интересовал лишь определённый фрагмент. В то же время правка такого типа демонстрирует почти болезненную реакцию Островского-читателя на любое языковое шероховатство, нелепости или лексические ошибки. Из подобных примеров приведу один: формально это корректурная, а по сути — субъективно-оценочная правка в комедии М.И. Верёвкина «Именинники»²⁰. В ремарке внутри реплики Сорванца «И кабы (жмёт её руку и гладит страстно) за меня вышла поскорее!» Островский правит «гладит» на «глядит». И то, и другое слово возможно в тексте, здесь совсем не обязательна опечатка. Но исправлением лишь одной гласной драматург коренным образом изменяет смысл, превращая физическое, слишком для него откровенное, чувственное действие — «страстно гладит» — в не менее экспрессивное, но более целомудренное — «страстно глядит» (говоря иначе, правка демонстрирует разницу между сентиментализмом и романтизмом). Можно сказать, что за этим стоит этика (и эстетика) Островского, просвечивает его отношение к XVIII в., а может быть, и шире — к задачам и границам театрального искусства.

Наконец, третья группа, самая ценная для исследователей биографии и творчества Островского, образована книгами с множественными пометами.

Пометы А.Н. Островского в книге Вольтера. *Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie*²¹

В большинстве случаев это нейтральные подчёркивания или отчёркивания на полях (чаще всего карандашом). Текстологическая проблема заключается не только в сложности их датировки, но и в том, что в подобных случаях трудно установить, сделаны ли эти пометы рукой Островского или какого-либо другого лица. Однако последовательное изучение отмеченных мест текста позволяет увидеть не только логику мысли читающего, но и его отношение к прочитанному: приятие, согласие, недоумение, возражение и пр. Много становится ясным и при сравнительном изучении «чужих» и собственных текстов Островского.

Не часто, но встречаются и оценочные пометы (от вопросительного или восклицательного знака до экспрессивных замечаний на полях). Последнее особенно ценно, если учесть обычную «закрытость» и эмоциональную сдержанность писателя. Так, внимательно читая плохой перевод с немецкого языка

¹⁸ Библиотека А.Н. Островского... С. 17.

¹⁹ Назову лишь одну книгу, в которой отчасти ставится эта проблема: Шаталина, Н.Н. А.Н. Островский-читатель. СПб., 2003. Книга написана автором, многие годы проработавшим сотрудником библиотеки Пушкинского Дома.

²⁰ Пометы не отражены в каталоге библиотеки А.Н. Островского. См.: Российский театр, или Полное собрание всех российских театральных сочинений. Т. 1. СПб., 1788. С. 245.

²¹ Т. 2 [б.м.]. 1775. (Вольтер. Литературная, историческая и философская смесь.) Книга хранится в библиотеке Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН). В статье Вольтера «Du Théâtre anglais par Jérôme Carré» («Об английском театре» Жерома Карре) множество помет драматурга. Например, напротив подчеркнутой фразы «Il n'y eut rien de mieux pendant cent cinquante ans; l'admiration se fortifia et devint une idolâtrie» («Так как не было ничего лучше [трагедий Шекспира] в течение ста пятидесяти лет, восхищение [ним] усилилось и превратилось в идолопоклонство») Островский на полях дал комментарий по-русски: «Вольтер объясняет всё случаем».

отца и сына, и как бы в одной семье, но не в одной семье, а в двух семьях, как бы в одной семье, но не в одной семье, а в двух семьях...

Тогда в семье, когда все было в порядке, а теперь в семье, когда все было в порядке, а теперь в семье, когда все было в порядке...

Пометы А.Н. Островского в книге «Сказания современников о Дмитрии Самозванце»

драматического эскиза в одном действии «Женитьба походом» (ни автор, ни переводчик неизвестны), Островский отмечает в нём множество стилистических погрешностей, тщательно исправляет опечатки...

Более всего книг с пометами, конечно, среди изданий драматургии, представленной как современниками Островского, так, в не меньшей степени, и предшественниками.

В пьесе Н.А. Чаева «Сват Фадееч», оперное либретто к которой писал Островский, замечания на полях являются одновременно и рецензией на чужую пьесу, и рабочим моментом. Так, напротив реплики Бурмистра «...налетит, клянённый, искалечит, а не то ко графу жалобы полетят, куска хлеба лишиться» Островский отмечает: «Граф, защитник народа, водию с разбойником».

Книжки из личной библиотеки представляют редкую возможность увидеть, как драматург работал над своим собственным текстом. Первая публикация третьей сцены «Трудового хлеба» в

«Складчине, литературном сборнике, составленном из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии (СПб., 1874)» с пометами и исправлениями автора ещё не учтена как текстологический источник.

Переводная драматургия представлена в библиотеке в оригинале и в русских переводах (иногда в нескольких вариантах перевода одного и того же текста). Из оригинальной драматургии более всего, разумеется, произведений на французском языке, но не современных Островскому, как можно было бы предположить, а принадлежащих более раннему периоду.

авторов, многие из которых имеют следы внимательного чтения драматурга, требуют системного и подробного изучения.

Пометы в книгах этой группы выявляют прежде всего принципы работы Островского-переводчика. Так, 15-й том «Полного римского театра», состоящий из совсем небольших сохранившихся фрагментов римских трагедий и комедий, представляет интересный пример самообучения Александра Николаевича переводческому искусству. Возможно, это следы подготовительной работы к переводам Плавта и Теренция. Издание двуязычное: на одной стороне разворота — оригинальный латинский текст, на другой — французский перевод.

22 3-е изд., испр. Ч. 1. Бер, Паерле, Маржерет и Де-Ту. СПб., тип. Акад. Наук, 1859. Книга хранится в библиотеке Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН). Пометы свидетельствуют о тщательном изучении Островским исторических источников для его драматической хроники в 2 частях. «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский».

23 Женитьба походом. Драматический эскиз в 1 д. Перев. с нем. // Русская сцена. 1864. Т. 3. № 6. Отд. 1. С. 31.

24 Чаев, Н.А. Сват Фадееч. Предания в лицах // Эпоха. 1868. № 11. С. 1-72. Вырезка.

25 Там же. С. 15.

26 Там же. С. 17.

27 Théâtre complet des latins. T. I-XV. Fragments des tragiques et des comiques latins. T. XV. P., 1823.

d'abord sera excellent; ce que je dirai ensuite sera encore meilleur» («То, что я скажу вначале, будет великолепно; то, что скажу потом, ещё лучше»), а внизу подписано драматургом по-русски: «Это цветочки, а будут ягодки»²⁸. Или сверху над латинским выражением «Huic puellae praecoquis lubido inest...» (французский вариант: «Voilà une jeune fille dont les passions sont précoces») приведён близкий по смыслу, но несколько претенциозный его перевод как «скороспелая похоть», а внизу в сноске найден точный русский фразеологизм: «Эта девчонка раненько во вкус вошла»²⁹.

Публикацию своих переводов Островский нередко сопровождал историческими литературными и театральными комментариями. По книгам с пометами можно увидеть, что, работая в течение многих лет над переводом интермедий Сервантеса, уточняя и улучшая их, драматург обращался к филологической, исторической и театроведческой литературе³⁰.

Знаменитый язык пьес Островского, вкусный, яркий, «цветистый», родился в постоянном труде. В книжных пометах он фиксирует разнообразные языковые «странности» (архаизмы, неологизмы, диалектизмы, экзотизмы и др.), удачное и неудачное их использование, коллекционирует их (третьей после театра и рыбной ловли страстью Островского была лексикография, он мечтал создать дополнение к словарю В.И. Даля). В библиотеке писателя хранится русский перевод комедии Ф. Данкура «Опекун обманут, бит и доволен» (СПб., 1778), на котором написано: «Из книг М.А. Островского» (?). Создатели каталога на основании этой чужой владельческой надписи усомнились в том, что пометы принадлежат драматургу. Однако анализ помет скорее приводит к выводу, что они — руки Александра Николаевича³¹. На протяжении всей этой нехитрой комедии отмечены выразительные архаизмы, которые так и просятся в замоскворецкий лексикон пьес Островского: «Вы краснеетесь»³², «живёт советно»³³, «плутец»³⁴, «вами страстен»³⁵, «обнадеется»³⁶.

* Особая группа в книжном собрании писателя — словари. В их числе неаполитанско-итальянский (неаполитанский диалект понадобился

Островскому, по-видимому, для перевода пьес К. Гольдони, о чём свидетельствуют отметки в статьях)³⁷ и толковый словарь Э. Ларше «Языковые эксцентричности»³⁸, включающий редкие слова и фразеологизмы французского языка (с множественными пометами).

Среди книг с пометами на втором после драматургии месте находится издания по истории сценического искусства (как отечественного, так и европейского). Проработка с карандашом в руках многих историко-театральных проблем, в том числе и узкоспециальных, даёт представление об Островском как об одном из первых отечественных историков театра. Большое число помет в «Летописи русского театра», составленной П.Н. Араповым, ставит множество вопросов, связанных с генезисом пьес самого Александра Николаевича.

Для исследователей творчества драматурга большой интерес представляют книги с пометами по отечественной истории, среди которых четыре первых тома «Актів исторических, собранных к изданию Археографической комиссией» (доходящих хронологически до 1676 г.), четырёхтомник «Актів, собранных в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук», «История государства российского» Н.М. Карамзина (прежде всего 5-й том), два тома «Истории России с древнейших времён» С.М. Соловьёва (тома 9-й и 10-й, охватывающие царствование первых Романовых — Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича), двухтомные «Сказания современников о Димитрии Самозванце», книга И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии». Все они чётко очерчивают приоритетный круг интересов Островского (допетровский период истории русского государства, прежде всего XV–XVII вв.) и имеют отношение к подготовительной работе по созданию его исторических драм. К этой группе книг примыкают также истории городов, прежде всего волжского бассейна: Шуи, Костромы, Казани, Углича. Неизвестно, к какому времени относятся пометы драматурга, но все эти издания ранние — до 1851 г., то есть до волжских путешествий Островского,

²⁸ Ibid. P. 88–89.

²⁹ Ibid. P. 100.

³⁰ Островский использовал при работе над этими комментариями следующую литературу: фрагменты из предисловия к книге интермедий Сервантеса на испанском языке («Los entremeses de Miguel de Cervantes Saavedra», Madrid, 1868); французскую книгу Эюля Шалля «Мигель Сервантес: жизнь, эпоха, политическое и литературное творчество» (Charles, Emile, Michel de Cervantes, sa vie, son temps, son œuvre politiques et littéraire. P., 1866.); конволют из статей об испанской литературе и театре в русском языке: История испанской литературы (из соч. Дж. Тиснора). Статьи 1–5 // Отечественные записки. 1852. Т. 80. № 2. Отд. 1. С. 51–80; Т. 81. № 3. Отд. 2. С. 19–46; Т. 82. № 6. Отд. 2. С. 63–96; Т. 83. № 8. Отд. 2. С. 37–68; Т. 85. № 12. Отд. 2. С. 79–108; [Корш В.Ф.?] Испанская драматическая литература. Статья вторая и последняя // Современник. 1848. Т. 9. № 5. Отд. II. С. 19–36. Вырезка; Испанские обычаи и нравы // Библиотека для чтения. 1836. Т. 102. № 8. Отд. III. С. 79–94. Вырезка.

³¹ В библиотеке Островского хранится сборник пьес Ф. Данкура на французском языке с пометами драматурга: Dancourt F. Les œuvres de théâtre. P., 1760. Сравнение русского и французского изданий позволит с большей уверенностью определить, кому принадлежат пометы в русском переводе комедии Ф. Данкура.

³² Данкур Ф. Опекун обманут, бит и доволен. Комедия. СПб., 1778. С. 19.

³³ Там же. С. 24.

³⁴ Там же. С. 25.

³⁵ Там же. С. 42.

³⁶ Там же. С. 64.

³⁷ Volpe P.-P. Vocabolario napoletano — italiano tascabile compilato sul dizionario antichi e moderni. Napoli, 1869.

³⁸ Larchey E.L. Les excentricités du langage. P., 1865.

и системное изучение помет в них может изменить укоренившуюся в литературоведении концепцию о «московском центризме» раннего творчества писателя.

Собрание фольклорных текстов («Русские народные песни» П.В. Шейна, «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым», «Песни, собранные П.В. Киреевским»), отрывок из путевых заметок В.А. Дементьева «Деревенские свадьбы в Кологривском уезде Костромской губернии»³⁹ позволяют атрибутировать песенные вставки в драматургии Островского, фольклорные заимствования в его стихотворных пьесах (в частности, в весенней сказке «Снегурочка»). Однако пометы в издании «Песен, собранных П.Н. Рыбниковым» представляют и другой интерес. Александр Николаевич в своих замечаниях на полях вступает в спор с собирателем и издателем фольклора Прионежья, предлагая другие объяснения для диалектных и устаревших слов⁴⁰.

Среди этнографических сочинений следует отметить книгу С.В. Максимова (автора круга «молодой редакции» журнала «Москвитянин») «Сибирь и каторга» с дарственной надписью. Островский выделил в ней тему бродяжничества, косвенно отозвавшуюся в комедии «Лес».

Множественные следы медленного комментированного чтения находим в книгах по теории драмы и сценического искусства, по эстетике: в статьях Вольтера⁴¹, в трактатах Д. Дидро «О сценическом искусстве», Г.-Э. Лессинга «Гамбургская драматургия»⁴², в курсе лекций И. Тэна «Чтения об искусстве»⁴³, в книге из серии «Этюды о комическом» В. Курдаво «Смех в жизни и искусстве»⁴⁴.

На поэтические пристрастия Островского (автора и переводчика стихотворной драмы) указывают сборники с пометами (Н.А. Некрасова⁴⁵, Н.П. Огарёва⁴⁶ и др.).

В книге соседа по Щелькову помещика села Угольское ихтиолога Л.П. Сабанеева «Рыбы России. Жизнь и ловля наших пресноводных рыб» Островский-читатель не только проявляется в рукописных комментариях как знаток рыб и собиратель народных, диалектных их названий, но даже обнаруживает не очень свойственную ему страстность. Так, на утверждение Сабанеева о том, что «... у нас в России... ужение рыбы находится почти в первобытном состоя-

нии (подчёркнуто А.Н. Островским — О.К.) он эмоционально возражает: «В Москве ужение доведено до мастерства изумительного»⁴⁷. А после слов Сабанеева «по обыкновению эти рыбы [лины. — О.К.] редко бывают более 5 фунтов» в рукописной сноске Островского следует целая «рыбачья быль»: «Я ловил в Царицынском (село Царицыно под Москвой) озере линею весом более 10 ф., мелкие совсем не попадались. Все пойманные мною лины были ростом с большого леща»⁴⁸.

Даже беглый взгляд на состав личной библиотеки писателя даёт возможность заметить: Островский не был только и исключительно «славянофилом». Ему была глубоко чужда идея необразованного, полуграмотного «самородка», опирающегося лишь на интуицию и собственный ограниченный опыт, а не на знания и коллективную память культуры. До самых последних дней Островский не боялся быть «учеником», изучая иностранные языки, открывая для себя неизвестные научные области (вспомним, в частности, его интерес к физиологии в попытках разобраться в природе актёрского ремесла). Огромный постоянный интерес и любовь к русскому фольклору, народному языку, национальной истории уравновешивались и гармонизировались в нём открытостью по отношению к европейской культуре, прежде всего к её театральной части. Знание «чужих» сюжетов, мотивов, образов, приёмов не мешало драматургу, а лишь укрепляло «свое», оригинальное и самобытное. Драматургия Александра Николаевича и оказалась прочным национальным театральным фундаментом именно потому, что не ограничилась только «локальным» и современным, но привила русскую молодую театральную ветвь к сильному европейскому дереву, давно укоренённому в античной традиции и постепенно прираставшему от Средних веков до XIX столетия. Как видно из книжного собрания писателя, ни один этап истории европейского и русского театра не прошёл мимо его внимания. Такой Островский, встающий за книгами его личной библиотеки, — знаток театральной истории, сознательный просветитель, активно вводящий в репертуар русской сцены весь «пантеон» европейской драматургии, — ещё до обидного мало известен.

³⁹ Москвитянин. 1853. Т. 2. № 7. С. 65–134. Вырезка).

⁴⁰ Вот несколько примеров таких исправлений драматурга в книге «Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Часть I. Народные быльми, старины и побывальщины» (М., 1861.): «Большой тулется за среднего, / Средний тулется за меньшого». (*Тулется, причется. — Изд. Помета А.Н. Островского: «Не причется, а нагибается».) (С. 9); «За веривенку брал, а с коня* соя бежал...» (*Комель — корень. — Изд. Помета А.Н. Островского: «Не корень, а толстый конец».) (С. 29); «На лознички дубничка облочкана*...» (*Расщеплена, оббита. — Изд. Помета А.Н. Островского: «Размочалена».) (С. 31); «Бежат да трут** промез собой...» (**От корня тр, поспешать, откуда и туркий — поспешный, туриться — спешить. — Изд. Помета А.Н. Островского: «Нет, трут, т.е. трутся, толкаются промезу собой».) (С. 52); «Тобе просто*** наложиво засмехаться...» (***) Легко. — Изд. Помета А.Н. Островского: «Свободно».) (С. 71); «За твои поступки невозможные*...» (*Невозможные. — Изд. Помета А.Н. Островского: «Нет. Неумельные».) (С. 134); «Стоит-то Костя — не крапнется*» (*Не тронется. Изд. Помета А.Н. Островского: «Нет. Крепится значит нагибать».) (С. 336).

⁴¹ Voltaire. Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie. T. 2. S. 1. 1775. Пометы Островского в двух статьях: «Du théâtre anglais par Jérôme Carré» («Жером Карре об английском театре»), «Des divers changements arrivés à l'art tragique» («О различных изменениях в искусстве трагедии»).

⁴² Лессинг, Г.Э. Гамбургская драматургия. М., 1883. Перев. Н.П. Рассадина.

⁴³ Тэн Ипполит. Чтения об искусстве. Пять курсов лекций, читанных в Парижской школе изящных искусств. Перев. А.Н. Чудинов-Тшательво испр. и дополн. М., 1874.

⁴⁴ Courdaveaux Victor. Le rire dans la vie et dans l'art. P., 1875.

⁴⁵ Некрасов, Н.А. Стихотворения. Ч. 5. СПб., 1873. С дарственной надписью: «Доброму другу и товарищу А.Н. Островскому. Н. Некрасов». Пометы Островского в поэмах Некрасова «Кому за Руси жить хорошо» и «Русские женщины».

⁴⁶ Огарёв, Н.П. Стихотворения. М., 1856. Пометы Островского в стихотворениях Огарёва «Монологи», «Забыто», «Зимний путь».

⁴⁷ Сабанеев, Л.П. Рыбы России. Жизнь и ловля наших пресноводных рыб. Вып. 1–3. М., 1874. С. 157.

⁴⁸ Там же. С. 180.